

студента II курса Р.Б. Схатума (ныне Р.Б. Схатум – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела археологических фондов КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына. – *Авт.*) [4, 5].

К положительным результатам такой подготовки можно отнести значительное число выпускников КГИК, ставших исследователями в области изучения и сохранения археологического наследия. Это Р.Р. Рудницкий, А.П. Лопатин, Л.Э. Голубев, Е.В. Мартыненко, Л.С. Глушкова, Г.Г. Давыденко, С.С. Поваляев, Р.А. Корниенко, Р.Б. Схатум, В.А. Токарев, И.С. Браткова, Д.С. Кондауров, В.В. Решетняк, К.В. Конопля.

Литература

1. Труды V Археологического съезда в Тифлисе. Протоколы Предварительного комитета. М., 1882.
2. *Чирг А.Ю., Берлизов Н.Е.* О подготовке специалистов-музеевдов в Академии культуры // Подготовку специалистов – на академический уровень. Материалы научно-методической конференции. Краснодар, 1995.
3. *Берлизов Н.Е., Пьянков А.В., Богачук О.Е.* Случайные находки эпохи раннего железа и Средневековья из окрестностей ст. Раевской // V Анфимовские чтения. Материалы международной конференции. Краснодар, 2015
4. Древности Кубани. Вып. 17. Краснодар, 2000.
5. *Схатум Р.Б.* Из истории военного дела адыгов. Краснодар, 2001

References

1. Proceedings of V Archaeological Congress in Tbilisi. Protocols of the Provisional Committee. Moscow, 1882.
2. *Cirg A. Yu., Berlizov N. E.* About preparation of experts-specialists in Museum management at the Academy of culture // the Training of professionals on academic level. Materials of scientific conference. Krasnodar, 1995.
3. *Berlizov N. E., Pyankov A. V., Bogachuk O. E.* Chance finds of early iron age and the middle ages from the surroundings of the village Raevskaya // V Anphimovskie reading. Proceedings of the international conference. Krasnodar, 2015.
4. Ancient Kuban. Vol. 17. Krasnodar, 2000.
5. *Skhatum R. B.* Iz istorii voennogo dela adygov [From the history of military art of the Circassians]. Krasnodar, 2001.

УДК 902.3 (470.62)

Н.Е. БЕРЛИЗОВ

МАТЕРИАЛЫ К МЕТОДИКЕ ВЫЯВЛЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ КУБАНИ И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА¹

Берлизов Николай Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, культурологии и музееведения Краснодарского государственного института культуры (Краснодар, 40 лет Победы, 33), berlizov@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются результаты полевых археологических исследований на Северном Кавказе. Предлагаются новые подходы к выявлению памятников археологического наследия в регионе.

Ключевые слова: археологическое наследие, Кубань, Северный Кавказ, методика выявления.

¹ Статья подготовлена в рамках НИР Министерства культуры РФ «Состояние и использование памятников истории народов Северного Кавказа и Кубани», реестровый номер 0173100007716000629

UDC 902.3 (470.62)

N.E. BERLIZOV

THE MATERIALS TO THE METHODS OF SEARCHING MONUMENTS
OF KUBAN AND NORTH CAUCASUS ARCHEOLOGICAL HERITAGE

Berlizov Nikolai Evgen'evich, PhD (historical), associate professor, chair of the department of history, culturology and museology of the Krasnodar state institute of culture (Krasnodar, 40 let Pobedy str., 33), berlizov@mail.ru

Abstract. The article analyzes the results of the archeological investigations in the North Caucasus and offers the new approaches for foundations of the archeological heritage monuments in the region.

Keywords: archeological heritage, Kuban, North Caucasus, methods of the discovery

Археологическое изучение Северного Кавказа, начатое еще в конце XVIII века раскопками генерала Вандервейде на Тамани [1, с. 4–7], набрало подлинный размах в 1879–1880 гг. в ходе раскопок, приуроченных к V Археологическому съезду в Тифлисе [2] и продолжается до сих пор. Установлено, что регион отличается необычайным разнообразием памятников археологического наследия различных эпох и культур. При этом в течение последних 30–40 лет в результате сначала преимущественно строительства оросительных систем и магистральных каналов, а в конце XX – начале XXI вв. строительства нефте- и газопроводов и Крымского моста проводились масштабные работы по выявлению и изучению этих памятников, внедрялись новые методы и методики полевых исследований. Опыт этих работ еще не нашел своего полного обобщения в виде соответствующих методических рекомендаций.

В связи с этим остановимся на некоторых аспектах, связанных с выявлением памятников археологического наследия на Кубани и Северном Кавказе.

Исследования 1970-х – 2000-х годов в первую очередь позволили уточнить хронологические рамки и ареалы распространения памятников различных эпох. Так, в 2002 году на Таманском полуострове у поселка За Родину обследование В.Е. Щелинским известного палеонтологического местонахождения Синяя Балка привело к открытию древнейшего на территории Российской Федерации памятника – стоянки Богатыри, по соседству с которым позднее был выявлен близкий по времени памятник – Родники. Датировка первого из них определяется в пределах 1 600 000 – 1 200 000 л. до н.э., а второго 1 600 000 – 1 400 000 л. до н.э. [3, с. 457–462; 4, с. 69–77]. В Ставропольском крае на р. Томузловке у с. Жуковское были обнаружены каменные орудия в слое, которому около 2 000 000 лет. Серия памятников, датируемых в пределах 1 600 000 – 600 000 лет исследована в Дагестане. Эти открытия приводят к ряду важных выводов методического характера.

Во-первых, резко удревнилась нижняя дата палеолитических древностей Предкавказья, ранее уверенно определявшаяся только в пределах позднего ашеля [5, с. 57–60].

Во-вторых, расширилась география размещения нижнепалеолитических памятников в регионе. Еще в 1980-е годы большинство из них фиксировалось в зоне устойчивых четвертичных поднятий в высокой части Прикубанской наклонной равнины и низких предгорьях Западного Кавказа. Считалось, что памятники, размещавшиеся севернее, погребены под толщей новейших континентальных осадков, а более южные в горах могли быть уничтожены склоновым смывом [5, с. 48]. Теперь ареал их распространения можно расширить на приморские районы Тамани и Дагестана, где подобные памятники залегают в базальном слое погребенных пляжных галечно-щебневых отложений южного берега Азовского моря и толщах Бакинской террасы Каспийского моря; в горах Центрального Дагестана на низких террасах малых рек Акушинской котловины; на Ставропольской равнине.

В-третьих, раннепалеолитическую индустрию Тамани отличает специфическое сырье – местный окварцованный доломит вместо традиционной для данного периода гальки.

В-четвертых, при выявлении раннепалеолитических памятников Кавказа следует обращать пристальное внимание на известные и вновь открытые палеофаунистические местонахождения.

Определенную корректировку можно сделать и в области выявления мезолитических древностей. Памятники данной эпохи в Предкавказье известны очень слабо, к началу 1980-х годов считалось, что они группируются в основном в Центральном Предкавказье и на юге Дагестана [6, с. 94–105, Карта 8]. Вместе с тем несколько памятников эпохи мезолита еще в 1970-х – 1980-х гг. было выявлено на Кубани в результате исследований Л.Г. Мацкевого на Тамани и В.Н. Каминского в Гамовском ущелье в верховьях р. Уруп [7]. В первом случае (пункты Кучугуры I и VI) материал был обнаружен вне слоя на берегу Темрюкского залива. В Гамовском навесе №2 слой эпохи мезолита был перекрыт эоловыми наслоениями, в которые были впущены погребения эпохи Средневековья, но относящиеся к нему нуклеус и микропластина были обнаружены у входа среди плитняка, перекрывавшего культурный слой; аналогичный нуклеус обнаружен поблизости от навеса №9. Таким образом, выявление памятников мезолита перспективно как на Тамани (открытые стоянки), так и в предгорьях Северо-Западного Кавказа (пещерные стоянки). При выявлении последних имеет смысл обращать внимание на результаты обследований и раскопок аланских скальных могильников.

Проблемной для Кавказа является и эпоха неолита. Высказывалось мнение о том, что неолитические древности в регионе встречаются в основном на Черноморском и Каспийском побережьях, в то время как население внутренних районов Кавказа рано освоило металл, «перепрыгнув» из мезолита в энеолит [8, с. 73]. Выдвигалась и гипотеза о хиатусе, разделяющем мезолитические и энеолитические древности региона [9]. Однако, по мнению Л.Г. Мацкевого, неолитические древности присутствуют в равнинном Прикубанье и Закубанье. Серия таких памятников приурочена к бровке III надпойменной террасы Кубани, в которую врезалась III надпойменная терраса р. Псекупс [7, с. 135, 137]. До 15 местонахождений эпохи мезолита-неолита выявлено на правобережье Кубани по берегам р. Калалы на высоте не более 4–5 м от августовского уреза воды на небольших мысках или прямо на берегу у самой воды; аналогично располагались синхронные им памятники на берегах р. Челбас [7, с. 146–149]. Эти наблюдения можно использовать для дальнейшего выявления неолитических древностей как минимум на Северо-Западном Кавказе.

Эпоха энеолита в Предкавказье сравнительно недавно иллюстрировалась исключительно материалами Нальчикского могильника и Агубековского поселения в Кабардино-Балкарии [10, с. 128–129]. В настоящее время в Закубанье, горных районах Кубани, Карачаево-Черкесии и на юге Ставрополя выделена энеолитическая культура накольчатой жемчужной керамики, представленная в основном поселениями, ранее отнесенными к майкопской культуре [11, 12]. При выявлении таких памятников следует учитывать, что они обычно располагаются на возвышенных местах, ограниченных пропастью или крутыми склонами над небольшими реками или ручьями (исключением является пос. Свободное, расположенное в равнинном Закубанье). От классических майкопских памятников их отличает присутствие керамики с накольчатым жемчужным орнаментом, тесел неолитического облика, каменных сверленных браслетов, антропоморфной пластики, костяных ложечек.

Новации в выявлении памятников эпохи бронзы в регионе в основном связаны с ранне- и позднебронзовым веком и новостроечными работами на Тамани и в районе Новороссийска–Анапы. Здесь в последние годы выявлена серия бытовых и погребальных памятников майкопской культуры, ранее ассоциировавшихся с Центральным Закубаньем. При этом в районе Новороссийска выявились случаи перекрытия майкопских слоев мощными стерильными прослойками, образовавшимися в результате селей, и не отличимыми от материка. Другой особенностью майкопских древностей Тамани является выявление бескурганых могильников [13].

С эпохой средней бронзы в Предкавказье связана проблема полного отсутствия бытовых памятников при изобилии подкурганых погребений катакомбной и северокавказской культур. Впрочем, поселения катакомбной культуры до сих пор были выявлены только в лесостепном Подонье, располагаясь в поймах, реке – на высоких обрывах или мысах, и отличаются тонким культурным слоем [14, с. 26. Возможно, имеет смысл их поиск в аналогичных местах. Кроме того, единичный бытовой комплекс эпохи средней бронзы был открыт в Восточном Закубанье при исследовании скального могильника в Гамовской балке при исследовании навеса №1.

Работы последних лет на Тамани и в районе Анапы-Новороссийска выявили и значительный пласт памятников эпохи поздней бронзы, ранее весьма малочисленных на Северо-Западном Кавказе. В их числе растущая с каждым сезоном выборка погребений срубной культуры (в том числе нехарактерных для Прикубанья бескурганых могильников) и поселений кобяковской культуры.

Общей особенностью эпохи бронзы в регионе является распространение курганного обряда погребения. Еще первые крупномасштабные раскопки курганов в зонах мелиорации 1970-х – 1980-х гг. позволили выявить в степном Предкавказье памятники древнеямной, катакомбной, бабинской и срубной культур, в Восточном Приазовье была выявлена оригинальная новотитаровская культура раннебронзового века. При этом опыт выявления и исследования курганных групп и могильников эпохи бронзы показал, что периферийные насыпи в группах в силу интенсивной распашки и эоловых процессов могут иметь предельно малую высоту и почти не выделяться на рельефе местности. Поэтому желателен тщательный осмотр вновь выявленных памятников этого типа ранней весной и поздней осенью, когда отсутствует скрывающая их растительность. Иногда же сильно распаханые насыпи могут быть выявлены путем тщательного анализа подробного плана местности в горизонталях.

Можно внести некоторые дополнения и в общепринятую методику выявления и первичного анализа бытовых памятников эпохи железа. Хорошие результаты дает апробированный Восточно-Боспорской экспедицией метод сбора подъемного материала при сплошном пешем обследовании больших площадей с фиксацией каждой находки методом GPS-навигации. Составленные таким образом археологические карты позволяют с большой точностью фиксировать поселения хоры городов Азиатского Боспора.

Интенсивное разрушение памятников в результате воздействия антропогенного фактора ведет иногда к инкорпорации элементов древних культур в современную, что также помогает в выявлении памятников. Так, после строительства Краснодарского водохранилища интенсивный размыв высокого правого берега Кубани привел к обрушению серии городищ и могильников преимущественно меотской культуры и использованию населением современных станиц целых форм меотской и античной керамики в хозяйственных целях. В ходе разведок в пос. им. В.И. Ленина (западная окраина г. Краснодара) в 1980 г. участники обследования обнаруживали на плетнях и во дворах жителей поселка меотские миски и кувшины, получая первое представление об археологической картине. В пос. Вестник Анапского района часть современных жилых и хозяйственных построек явно возведены с использованием античных квадров с близлежащего поселения. Еще одним индикатором бытовых и погребальных памятников эпохи железа – Средневековья за последние 10–20 лет стали, к сожалению, грабительские шурфы, а в районе Новороссийска – намеренная распашка памятников археологии с целью дальнейшего ограбления.

При изучении обнажений культурного слоя на бытовых памятниках для изучения стратиграфии на Кавказе также присутствует определенная специфика. Так, опыт работы автора на многослойных памятниках правобережья Средней Кубани и района Ставрополя показывает, что разновременные слои, разделенные подчас значительными временными промежутками, могут не разделяться стерильными прослойками. Последнее может быть связано с диффузией грунтов. Например, на 1-м Татарском городище слои скифского, римского и предмонгольского времени не разделялись стерильными [15, с. 21–26].

На Казанском I городище также отсутствовала стерильная прослойка между слоями меотского и хазарского времени.

Исследования последних десятилетий обратили внимание и на проблему точного определения границ памятников археологии. В первую очередь это касается городищ эпохи Средневековья, имеющих подчас сложную планировку. Выяснилось, что первооткрыватели памятников могли неправомерно расширить, либо, напротив, серьезно уменьшить реальные размеры памятника. И то и другое, естественно, влияет на определение границ охранных зон. Так, исследования аланского Ильичевского городища в Отрадненском районе Краснодарского края Восточно-Закубанской экспедицией в 1988–89 гг. показали, что часть памятника в урочищах Херсон и Трубный площадью до 100 га, первоначально определявшаяся М.Н. Ложкиным как полностью заселенная [16, с. 55], таковой не являлась. На этой территории были выявлены следы очень небольших поселений типа хуторов или сторожевых постов. С другой стороны, исследования Татарского городища на Ставрополье, площадь которого изначально определялась в пределах около 53 га [15, с. 6], показали, что памятник включает в себя значительную площадку, окруженную каменной крепостной стеной длиной до 1550–1600 м площадью до 30 га (3-е Татарское городище) [15, с. 9, рис. 2].

Другим результатом работ на средневековых городищах Кавказа является выявление на их периферии остатков древних дорог. Последние до сих пор могут использоваться в качестве пешеходных или звериных троп, но при этом примыкают к входам или въездам на городища либо к скальным могильникам (подобная «дорога мертвых» выявлена, например, в Гамовской балке при исследовании Ильичевского городища). Эти дороги отличает сравнительно небольшая ширина, при этом отмечается эскарпирование склонов или подрезка скалы для выравнивания дорожного полотна. На некоторых участках дорог могут сохраняться и колеи, отличающиеся полным отсутствием растительности.

В данной статье мы рассмотрели только некоторые ситуации, которые следует учитывать при визуальном выявлении памятников археологического наследия Кубани и всего Северного Кавказа. Отдельного рассмотрения требуют темы специальных методов выявления и фиксации (геофизические и палеопочвоведческие методы, применение современного навигационного оборудования, БПЛА), которые могут быть гораздо более компетентно рассмотрены специалистами в данных областях.

Литература

1. *Гёrc К.К.* Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII столетия до 1859 // *Гёrc К.К. Собрание сочинений*, изданное Императорскою Академиею наук на средства капитала имени профессора К.К. Герца. Вып. 2. Санкт-Петербург, 1898.
2. Труды V Археологического съезда в Тифлисе. Протоколы Предварительного комитета. М., 1882.
3. *Щелинский В.Е., Байгушева В.С., Кулаков С.А., Симакова А.Н., Тесаков А.С., Титов В.В.* Новые данные о раннепалеолитических стоянках Богатыри/Синяя Балка и Родники на Таманском полуострове (Южное Приазовье) // Пятая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2009.
4. *Таймазов А.И.* Раннепалеолитические индустрии бассейна р. Усиша (Центральный Дагестан) // Научные проблемы гуманитарных исследований. Вып. 11. 2011.
5. *Любин В.П.* Ранний палеолит Кавказа // Палеолит СССР. М., 1984.
6. *Бадер О.Н.* Мезолит Кавказа // Мезолит СССР. М., 1989.
7. *Мацкевой Л.Г.* Новые мезолитические и неолитические поселения Краснодарского края // Советская археология. 1981. №1.
8. *Бжания В.В.* Кавказ // Неолит Северной Евразии. М., 1996.
9. *Трифонов В.А.* Существовал ли на Северо-Западном Кавказе неолит? // Адаптация культур палеолита – энеолита к изменениям природной среды на Северо-Западном Кавказе. СПб., 2009.

10. Энеолит СССР // Археология СССР. М., 1982.
11. *Нехаев А.А.* Домайкопская культура Северного Кавказа // Археологические вести. СПб., 1992. Вып. 1.
12. *Кореневский С.Н.* Проблема стадияльного соотношения поселений с накольчатой жемчужной керамикой и поселений майкопской культуры (в свете текущей дискуссии) // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. XIX «Крупновские чтения»: тезисы докладов. М., 1996.
13. *Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В.* Могильник Натухаевский 4 – новый памятник майкопской культуры под Новороссийском (предварительное сообщение) // XXIX «Крупновские чтения»: материалы международной археологической конференции. Грозный, 2016.
14. *Пряхин А.Д.* Поселения катакомбного времени лесостепного Подонья. Воронеж, 1982.
15. *Березин Я.Б., Каминский В.Н., Малашев В.Ю.* Татарское городище и формирование памятников типа Татарка-Вербовка. М., 2012.
16. *Ложкин М.Н.* Аланы на Урупе (археологический очерк) // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1984.

References

1. *Hertz K.K.* Historical overview of archaeological research and discoveries in the Taman Peninsula from the late eighteenth century to 1859 // Hertz K.K. collected works, published by the Imperial Academy of Sciences at the expense of the capital named after professor Hertz K.K. Vol. 2. Saint Petersburg, 1898.
2. Proceedings of V Archaeological congress in Tbilisi. Protocols of the provisional committee. Moscow, 1882.
3. *Selinsky V.E., Baigusheva V.S., Kulakov S.A., Simakova A.N., Cleaver A.S., Titov V.V.* New data on the early Paleolithic sites Bogatyri/Blue Balka and Rodniki on the Taman Peninsula (southern Azov sea region) // The fifth Kuban archaeological conference. Krasnodar, 2009.
4. *Taymazov A.I.* Early Paleolithic industry Usisha river basin (Central Dagestan) // Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovaniy. Vol. 11. 2011.
5. *Lubin V.P.* Rannij paleolit Kavkaza // Paleolit SSSR [Early Paleolithic of the Caucasus // The Paleolithic of the USSR]. Moscow, 1984.
6. *Bader O.N.* Bader O.N. Mezolit Kavkaza // Mezolit SSSR [The Mesolithic of the Caucasus // The Mesolithic of the USSR]. Moscow, 1989.
7. *Macevoy L.G.* New Mesolithic and Neolithic settlements of the Krasnodar region // Sovetskaja arheologija. 1981. No. 1.
8. *Bzhaniya V.V.* Kavkaz // Neolit Severnoj Evrazii. [Bzhania V. The Caucasus // The Neolithic Of Northern Eurasia]. Moscow, 1996.
9. *Trifonov V.A.* Sushhestvoval li na Severo-Zapadnom Kavkaze neolit? // Adaptacija kul'tur paleolita – eneolita k izmenenijam prirodnoj sredy na Severo-Zapadnom Kavkaze [Was there in the North-Western Caucasus in the Neolithic? // Adaptation of the cultures of the Palaeolithic – Chalcolithic to the environmental changes in the North-Western Caucasus]. Saint Petersburg, 2009.
10. The eneolithic of the USSR // Sovetskaja arkeologiya. Moscow, 1982.
11. *Nekhaev A.A.* Demanovska culture of the North Caucasus // Arkheologicheskie vesti. Saint Petersburg, 1992. Vol. 1.
12. *Korenevsky S.N.* The problem stadial of the ratio of settlements with pearl stroke-ornamented pottery and settlements of the Maikop culture (in light of the current discussion) // Problems of archeology of the North Caucasus. XIX Krupnovski reading: abstracts. Moscow, 1996.
13. *Shishlov A.V., Kolpakov A.V., Fedorenko N.B.* The burial ground Natuhaevskii 4 – a new monument of the Maikop culture in Novorossiysk (preliminary report) // XXIX Krupnovski reading: materials of the international archaeological conference. Grozny, 2016.

14. *Pryakhin A.D.* Poselenija katakombnogo vremeni lesostepnogo Podon'ja [Settlement catacomb-time forest-steppe along the Don]. Voronezh, 1982.

15. *Berezin J.B., Kaminsky V.N., Malyshev V.Y.* Tatarskoe gorodishhe i formirovanie pamjatnikov tipa Tatarka-Verbovka [Tatar settlement and the formation of the monuments the type of Tatarka-Verbovka]. Moskow, 2012.

16. *Lozhkin M.N.* Alans on Urup (archaeological review) // Problems of archeology and Ethnography of Northern Ossetia. Ordzhonikidze, 1984.

УДК 391.1

И.Н. ГАВРИШОВ

ЧЕРКЕСКА КАК КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ СИМВОЛ НАРОДОВ КАВКАЗА

Гавришов Игорь Николаевич, аспирант кафедры истории и музееведения Краснодарского государственного института культуры (Краснодар, ул. 40 лет Победы, 33), gavrishov.igor@mail.ru

Аннотация. В статье дается описание верхней плечевой мужской одежды – черкески, символа доблести и чести мужчины. В социально-общественном строе народов Кавказа черкеска подчеркивала статус своего хозяина.

Ключевые слова: горский костюм, черкеска, газыри, черкес, казак.

UDC 391.1

I.N. GAVRISHOV

CHOKHA AS A CULTURAL HISTORICAL SYMBOL OF CAUCASUS PEOPLES

Gavrishov Igor Nicolaevich, post-graduate student of the department of history and museum of the Krasnodar state institute of culture (Krasnodar, 40 let Pobedy str., 33), gavrishov.igor@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the outwear of men's dress up – chokha, which came into the traditional both material and spiritual culture of people living in the Caucasus, not only mountain peoples but also nomadic peoples and the Slavs, the Russians and the Ukrainians in particular, who inhabited the foothills of the Caucasus. In the social system of Caucasus peoples chokha pointed out the status of its owner.

Keywords: mountain costume, chokha, cartridge belts, circassian, cossack.

Черкеска – это культурно-исторический тип верхней распашной традиционной мужской одежды Кавказа. Она имеет общий вид распашного кафтана в талии со сборками и вырезом на груди, чтобы был виден бешмет (архалук, волгач), застежка на крючках встык, рукава широкие и длинные. Их носят загнутыми, но во время танцев отпускают на всю длину [1]. По обеим сторонам черкески находятся кожаные гнезда для ружейных патронов, помещающихся в газырях [2, с. 180]. Немецкий путешественник Барон Фон Гакстаузен описывал черкеску как горский костюм, который делится на основной тип двух родов народного костюма – черкесского и персидского. Он подметил также, что осетины переняли черкесскую одежду [3, с. 112]. Спенсер сравнил черкеску с «польской военной туникой, плотно прилегающей к телу и спускающейся к колену, закрепленной посередине кожаным поясом, которая имела покрой без воротника»... [4, с. 12]. Русский майор Пассек говорил о черкеске как о верхнем платье [5, с. 128]. С приходом на Кавказ российских войск и казаков в период Кавказской войны черкеска становилась символом для казака в духовном и материальном плане. Казак носил ее в домашнем и походном быту и вне строя. Она очень легка и удобна в крое и форме, структура сукна прочная и крепкая. И как бы тепло ни одевался казак, он будет проворен и поворотлив в ней [6, с. 128].